

ловской крепости, выполненного в 1707 г. Конрадом Оснером. Это уподобление не закрепилось в русской аллегорике. Волхва, символизировавшего падение Карла XII, оттеснили Икар и Фаэтон. Феофан Прокопович в «Епиникионе» восклицал, имея в виду Карла XII и Петра I:

И, поражен силою десницы твоея
Аки с небес молнием, достиже злонаравный
И конец Фаэтоновой погибели равный.⁴⁹

Смешение античных и христианских образов и аллегорий было характерной особенностью барокко. Вторжение «языческой» мифологии сопровождалось стремлением к ее истолкованию и осмыслению в духе христианской эмблематики. Ослабление или, можно сказать, «выветривание» основного значения как античных, так и христианских символов и аллегорий приводило к использованию их в почти одинаковой функции.

В русскую государственную, политическую и общественную жизнь нахлынуло много новых идей и представлений, требовавших художественного и публицистического выражения. Петр нуждался в художественных средствах для объяснения и оправдания своей политики, внушения поставленных им задач и возвешения достигнутых успехов. Арки, триумфальные «столпы» и «томбы», устанавливаемые во время «сретений» Петра после побед, были украшены аллегорическими фигурами, испещрены эмблемами и девизами. Петра встречали пушечной пальбой и сладкогласным пением «кантов», исполнявшихся питомцами духовных школ, облаченными в белые стихари, с «пальмовыми» и «оливковыми» ветвями в руках.⁵⁰

На вратах, устроенных по случаю первых побед в Северной войне в 1703 г., появился и стал постоянной фигурой петровских торжеств «российский Геркулес», побеждающий Немейского льва. За ним следовал Персеуш, «избивый морского зверя» и избавивший Андромеду (Ижорскую землю), освобожденную русскими войсками. На фронтисписе издания «Политиколепная Апофеозис», содержавшего пространное пояснение фигур и эмблем московского триумфа после Полтавской победы, на нижней половине гравюры, композиционно разделенной по диагонали, слева

---

⁴⁹ Феофан Прокопович. Сочинения, стр. 213. Историю этого мотива в эмблематике и поэзии см.: А. А. Морозов. Падение «готфска Фаэтонта». Ломоносов и эмблематика петровского барокко. — *Československa rusistika*, 1972, № 1. История Фаэтона, возможно, стала известна Петру довольно рано не только в книжном изложении, но и как изобразительный мотив. Среди посольских подарков Алексею Михайловичу, хранящихся ныне в Оружейной палате, обращает на себя внимание большое блюдо (лохань) работы Ратценкрамера (Данциг) со сценой падения Фаэтона.

⁵⁰ Ник. Финдейзен. Петровские канты. — *Известия Академии наук СССР*, 1927, № 7—8, стр. 667—690.